

К. А. ФИЛИППОВ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

**НЕМЕЦКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ
ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА)**

В конце XVIII в. произошел сдвиг исследовательского интереса в сторону анализа устной речи, обозначивший, по меткому выражению известных немецких лингвистов Г. Шанка и И. Швиталлы, «переход от предложения к тексту и, наконец, к диалогу» („den Übergang vom Satz zum Text und schließlich zum Dialog“) [Schank, Schwitalla 1980: 313] в качестве объектов лингвистического исследования. В начале нового тысячелетия некоторые авторы считают, что «текст сегодня должен анализироваться — и анализируется! — вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии — дискурсом» [Чернявская 2008: 227]. Таким образом, появление на современном лингвистическом горизонте дискурса как новой «единицы коммуникативной иерархии» превращает триаду „Satz — Text — Dialog“ в гипотетическую тетраду „Satz — Text — Dialog — Diskurs“. Такая точка зрения предполагает очередное изменение лингвистической парадигмы в поступательном развитии науки о языке.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать краткую характеристику процесса изменения современной научной парадигмы применительно к основным понятиям лингвистического анализа текста. В своем подходе к интерпретации представленных концепций автор руководствуется тезисом известного петербургского ученого-лексикографа А. С. Герда, согласно которому «содержание современного научного знания в целом едино для специалистов из разных стран, и в этом отношении глубоко справедливо мнение о том, что наука как знание неделима по государствам и народам» [Герд 1996: 81].

Важное значение предложения как одной из операционных единиц современного лингвистического анализа текста не подвергается сомнению современными теоретиками лингвистики. В настоящей статье нет необходимости давать подробную характеристику предложения и той роли, которую предложение играет в формировании

структуры речевого высказывания. Для целей нашего исследования достаточно упомянуть авторитетное мнение российского языковеда В. Г. Адмони, считающего, что «структурной основой речевой коммуникации является предложение» [Адмони 1994: 51]. Со своей стороны, немецкий ученый Х. Ю. Херингер подчеркивает решающее значение предложения в качестве отправной точки современного лингвистического анализа текста: „Ein Text ist eine kommunikative Einheit. Sie folgt in der Hierarchie linguistischer Einheiten dem Satz. Daher rührt auch der Slogan aus den Anfangszeiten: Hinaus über den Satz!“ [Heringer 2015: 11].

При этом прочные позиции текста среди главных объектов современной лингвистики остаются непоколебимыми на протяжении более полувека. Не случайно именно текст признается основной единицей речевой коммуникации. Так, М. Хайнеманн и В. Хайнеманн прямо называют текст «основной единицей речевой коммуникации» („Texte sind Grundeinheiten der sprachlichen Kommunikation“) [Heinemann M., Heinemann W. 2002: 112] (подробнее о центральном месте текста в современной лингвистике см. [Филиппов 2016]).

В современной лингвистической теории практически все авторы обращают внимание на два главных параметра (признака, критерия) текста, а именно на цельность и связность. Так, В. Б. Касевич считает, что именно цельность и связность представляют собой системные свойства речевых произведений, лежащие в основе выделения лингвистики текста в самостоятельную научную дисциплину [Касевич 1988: 50]. В новейшей немецкой лингвистике среди основных признаков текста ученые также упоминают равнозначные цельности и связности параметры; ср.: а) принадлежность к какому-либо типу текста („Texte sind selbstreferenziell, d.h. sie signalisieren ihre eigene Textsorte“); б) наличие темы как содержательной рамки („Texte haben ein Thema, das eine übergeordnete inhaltliche Klammer bildet“); в) когерентность как содержательная связность частей текста („Texte zeigen Kohärenz, d.h. die Teile eines Textes beziehen sich inhaltlich aufeinander“); г) когезия как структурные средства связи элементов текста („Texte enthalten strukturelle Mittel der Kohäsion, mit denen textinterne Bezüge explizit gemacht werden“) [Hilpert 2013: 190].

На примере диалога — следующего звена в приведенном выше перечне объектов лингвистического анализа — можно проследить развитие некоторых тенденций в немецкой германистике. Такой экскурс в историю развития современной теории диалога представляется необходимым в свете того, что еще совсем недавно, в середине 70-х гг. прошлого века, Х. Штегер и его сотрудники из Фрайбургской исследовательской группы (Freiburger Forschungsstelle Dialogstrukturen) увлеченно занимались построением «лингвистики диалога» на основе типологии речевых констелляций (см.: [Projekt Dialogstrukturen 1976]) и термин диалог выходил на передовые позиции в европейской лингвистике.

Известный немецкий литературовед Р. Клёпфер, вдохновленный идеями М. М. Бахтина в области теории диалога, расширяет рамки данного понятия. Диалогическим принципом (применительно к обиходной разговорной речи и литературе) он называет такой принцип построения коммуникации, при котором диалог вынужден постоянно увеличивать свои параметры („jenes Prinzip, das den Dialog stets zu einem Mehr treibt“) [Kloepfer 1981: 328]. Диалогический принцип позволяет вовлечь в рассмотрение все больше параметров: он включает в характеристику говорящих субъектов их социальных предшественников, он раскрывает актуальные ситуации через посредство минувших, похожих, аналогичных, примысливаемых обстоятельств; он расширяет содержание благодаря конфронтации и воссозданию слепка фрагмента действительности; он не редуцирует, а создает «языки» [Ibid.].

На особом месте диалога в описании грамматических явлений современного немецкого языка настаивает Х. Вайнрих, формируя методологию своего подхода в работе над «Текстовой грамматикой немецкого языка» (Textgrammatik der deutschen Sprache): „Die Linguistik, die dieser Grammatik zugrunde liegt, nimmt ihr Maß vom DIALOG. Nicht die monologischen Äußerungen eines einsam vorgestellten Sprachbenutzers also, sondern das gemeinsame SPRACHSPIEL von (mindestens) zwei Dialogpartnern dient hier als grammatisches Denkmotiv. Grundeinheit der linguistischen Beschreibung ist daher die KOMMUNIKATIVE DYADE, bestehend aus einem Sprecher und einem Hörer, die im Gespräch miteinander ständig ihre Rollen tauschen. Auch der schriftliche Sprachverkehr, der sich zwischen einem Schreiber (Autor) und einem Leser abspielt, soll dialogisch verstanden werden. In diesem Sinne ist die Textgrammatik gleichzeitig eine DIALOGGRAMMATIK“ [Weinrich 2003: 17—18].

В приведенной выше цитате Х. Вайнриха обращает на себя внимание не только то, что он фактически приравнивает грамматику текста (Textgrammatik) грамматике диалога (Dialoggrammatik), но и фиксирует наличие двух похожих понятий, относящихся к диалогической коммуникации, а именно понятий «диалог» (Dialog) и «разговор» (Gespräch). К тому же необходимо заметить, что разграничение данных понятий в немецкой лингвистике можно считать свершившимся фактом.

В этой связи уместно вспомнить Р. Гирцеля, настаивавшего (еще в конце XIX в.!) на различении диалога (Dialog) как речевого жанра, специально приспособленного для обсуждения значимых тем (mit einer Erörterung verbunden), и разговора (Conversation, Gespräch), в ходе которого собеседники всего лишь обмениваются всевозможными новостями (ein Austausch von allerlei Nachrichten). Диалог, по выразительным словам Р. Гирцеля, — это не просто «пестрый обмен более или менее богатыми смыслом высказываниями» („der bunte Wechsel mehr oder minder geistreicher Bemerkungen“) [Hirzel 1895: 4],

диалог отличается от разговора тем, что он «погружен в размышления о предметах и поэтому не может подобно мотыльку порхать с одного [предмета] на другой» („da dieser sich erörternd in die Gegenstände versenkt und deshalb nicht wie ein Schmetterling von einem zum anderen flattern kann“) [Ibid.: 5].

Подтверждение такой оценке многогранной природы диалога можно найти в современной немецкой лингвистической литературе. Известные исследователи устной речи Г. Хенне и Г. Ребокк, отталкиваясь от приведенной выше точки зрения Р. Гирцеля, развивают и дополняют его идею, правда, в несколько ином направлении. Если позицию Р. Гирцеля отличает явное предпочтение диалога обиходному разговору, то Г. Хенне и Г. Ребокк решительно ставят на первое место разговорную коммуникацию, неоднократно подчеркивая на страницах своей книги ее значимость в истории человеческой цивилизации. Ср.: „Wenn der Mensch durch seine Sprachfähigkeit erst zum Menschen wird, dann bedeutet diese Sprachfähigkeit zu gleich, daß der Mensch mit anderen Menschen in ein Gemeinsames und das heißt: in ein Gespräch eintreten kann. Die Kategorie Gespräch muß somit als grundlegend für jede Form menschlicher Gesellschaft angesehen werden“ [Henne, Rehbock 2001: 1].

В дальнейшем краткие, но емкие определения подкрепляют и развивают эту мысль немецких авторов: „Das Gespräch ist eine Grundeinheit menschlicher Rede“ [Henne, Rehbock 2001: 6] и „Die Grundeinheit sprachlicher Kommunikation ist das Gespräch“ [Ibid.: 12]. Соответственно диалогу отводится роль «специфической формы разговорной коммуникации, которая дает возможность участника обсудить какую-либо значимую тему» („eine spezifische Gesprächsform, die den Teilnehmern die Gelegenheit gibt, ein bedeutsames Thema zu erörtern“) [Ibid.: 3].

Сложнее всего определить место дискурса в приведенном перечне объектов современной лингвистики. Трудность решения этого вопроса заключается не только в сложном характере данного понятия, применяемого в самых разных сферах человеческого общения. Любое необычное проявление, казалось бы, хорошо изученных свойств языковых единиц приписывается гипотетическому дискурсивному воздействию.

Необходимо заметить, что термин дискурс (Diskurs) не является чем-то новым в европейской науке. Так, в названиях целого ряда научных исследований XVII—XVIII вв. можно встретить слово дискурс (discours), например, „Astronomischer Discours von den Sonnenfinsternissen“ (Kaspar Marche, 1654), „Die Discourse der Mahlern“ (Johann Jacob Bodmer, Johann Jacob Breitinger und andere, 1721—1724), „Discours sur la metaphysique“ (Jean Bernard Merian, 1765) и т. д. В качестве еще одного известного всем германистам примера использования термина discours в вышеуказанном значении (речь, выступление, рассуждение) можно привести название лекции, с которой

в 1687 г. перед студентами Лейпцигского университета выступил Христиан Томазий, ср.: „Discours Welcher Gestalt man denen Frantzosen in gemeinem Leben und Wandel nachahmen solle?“ (см. [Christian Thomas 1687]). Именно это выступление Хр. Томазия знаменует начало практического использования немецкого языка (вместо латыни) в науке и образовании Германии.

В авторитетном четырехтомном «Грамматическом словаре немецкого языка» (Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache), начатом Карлом Филиппом Моритцем в 1793 г. и законченном его последователями в 1800 г., содержатся три слова с корневым компонентом *discurs*: „DISCURIREN: sprechen, reden, sich unterhalten; DISCURS: Gespräch; DISCURSIVE: Gesprächsweise“ [Grammatisches Wörterbuch 1794: 75]. Кстати сказать, трактовка термина *Diskurs* как произведения разговорной речи сохраняется в немецкой лексикографии вплоть до настоящего времени. Так, «Словарь немецкого языка» (Deutsches Wörterbuch, 1999) определяет слово *дискурс* как «публичный обмен мнениями» (*öffentliche Debatte*), «оживленную беседу» (*lebhaftes Unterhalten*) [Deutsches Wörterbuch 1999: 165], и в этой дефиниции понятие *дискурса* синонимично слову *диалог*.

Своим выдвижением на передовые позиции в современном языкознании термин *discourse*, на мой взгляд, обязан американскому ученому З. Харрису, опубликовавшему в 1952 г. работу „Discourse Analysis“ (см. [Harris 1952]), которую теоретики современной лингвистики считают программным трудом, открывшим новые перспективы в лингвистическом анализе целых речевых произведений (текстов). И хотя методика анализа речевой цепи (*дискурса*) З. Харриса не получила своего дальнейшего развития, его подход позволил ученым выйти за границы грамматики предложения на новый уровень — уровень лингвистического анализа текста.

В современной научной литературе можно встретить самые разные, значительно отличающиеся друг от друга трактовки понятия «дискурс». Так, интерпретация *дискурса* М. Фуко «как совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [Фуко 2004: 210] кардинально отличается от точки зрения Ю. Хабермаса, считающего *дискурс* одной из форм метакommunikации, направленной на решение значимых проблем, возникающих при обсуждении норм и правил человеческого общения (см. [Ulrich 2002: 67]). Показательно, что сам М. Фуко давал весьма нелестную оценку своим попыткам уточнения термина *дискурс*: «Вместо того чтобы понемногу сужать столь расплывчатое значение слова «дискурс», я только умножал его смыслы» [Фуко 2004: 160].

Специалисты в области семиотики также признают наличие множества трактовок термина *дискурс*, обращая особое внимание на тенденцию к постоянному расширению его значения. А. Ж. Греймас и Ж. Курте видят в таком расширении опасность не только для лингвистики, но даже для самой семиотики. После обстоятельного

изучения различных трактовок дискурса они приходят к неутешительному выводу: «Поскольку термин “дискурс” неуклонно стремится отождествиться с термином “семиотический процесс” и даже стать метонимическим обозначением той или иной частной семиотики в целом (и как процесса, и как системы), то заново встанет проблема определения **семиотики** (как объекта познания и как предмета науки, конструируемого описанием» [Греймас, Курте 1983: 491].

При рассмотрении дискурса как заключительного звена в перечне объектов лингвистического анализа «Satz — Text — Dialog — Diskurs» целесообразно максимально сузить значение этого многозначного, но тем не менее весьма привлекательного для многих исследователей слова. Именно так поступает В. Хайнеманн, и его позиция заслуживает пристального внимания и безусловного одобрения.

После подробного анализа концепции дискурса М. Фуко немецкий теоретик лингвистики текста приходит к заключению: „Daraus ergibt sich, dass auch die Texte aufs engste miteinander verbunden sind, dass eine bestimmte Menge solcher Texte in einem bestimmten gesellschaftlichen Umfeld auf der Basis eines gemeinsamen Text-Themas enger zusammengehört und damit ein Textverband oder Diskurs — also als transtextuelle Einheit — verstanden werden kann. Und das impliziert wiederum, dass die Einzeltexte — wie auch bei Foucault die Aussagen — ihre eigentliche Bedeutung und ihre Funktion letztlich erst vor dem Hintergrund des Ganzen, also des Diskurses erhalten“ [Heinemann 2006: 40].

Таким образом, наиболее логичной и подходящей для признания дискурса завершающим звеном в заявленном выше перечне объектов лингвистического анализа представляется его трактовка как своеобразного «транстекстового единства» (*transtextuelle Einheit*), как совокупности текстов, соотнесенных друг с другом на основе общих семантико-тематических, прагматических и когнитивных отношений. Интересно, что похожим образом задолго до возникновения лингвистики текста простой немецкий учитель Генрих Август Шётензак (Heinrich August Schötensack) применял термин «союз предложений» (Satzverein) для объяснения речевых фактов, не укладывающихся в привычные представления о предложении и периоде [Schötensack 1856: 798—806].

При определении горизонтов научной парадигмы в лингвистике не следует упускать также из поля зрения хорошо известную, но нередко отодвигаемую на задний план лингвистическую единицу — слово. О слове прекрасно выразился замечательный петербургский ученый Лев Рафаилович Зиндер: «Слово» — это не просто минимальная самостоятельная единица языка (в общем значении этого слова, а не в специальном лингвистическом), а единственная для всех языков (независимо от их стоя) единица, без которой не может существовать человеческий язык. Более того, я сказал бы, что **СЛОВО УЖЕ И ЕСТЬ ЯЗЫК**» [Зиндер 1997: 5] (выделено мной. — К. Ф.). Слово

занимает самое важное место в любой лингвистической парадигме, потому что без него не может существовать язык.

В качестве примера того, как одно слово может стать квинтэссенцией смысла всего текста, рассмотрим миниатюрный латинский текст небольшой эпиграммы немецкого писателя-гуманиста XVI в. Эврикия Кордуса (Euricius Cordus) в переводе Г. Шнура (Hargy C. Schnur). De Vigesia. „Iam, scio, mentiur Vigesia.“ „Qui potes illud scire absens?“ „Video.“ „Quid?“ „Quoniam loquitur.“ Euricius Cordus [Galle und Honig 1984: 58]. Необходимость обращения к немецкому варианту эпиграммы объясняется не только тем, что этот перевод приведен в книге рядом с латинским вариантом, но и возможностью наглядного представления диалогических отношений между текстами разных эпох.

Auf Vigesia

„Vigesia dort drüben — sie lügt; siehst du es nicht?“

„Woher willst du das wissen?“

„Nun schau doch hin: sie spricht.“

[Galle und Honig 1984: 59]

Данный текст представляет собой бытовой разговор двух знакомых, обсуждающих знакомую персону на улице. Текст имитирует ситуацию непосредственного общения, о чем свидетельствуют обмен репликами, а также наличие многочисленных сигналов, характерных для разговорной коммуникации (dort drüben, siehst du es nicht, schau doch hin).

Смысл этой эпиграммы заключается в глубоком убеждении инициатора диалога в том, что даже если он не слышит, о чём говорит Вигезия, то весь опыт общения с данной персоной подсказывает ему, что она может только лгать. Глагол *lügen* (лгать) содержит в себе сему говорения, поэтому партнер сразу соотносит глагол *sprechen* (говорить) с глаголом *lügen*. В результате манипуляции двумя словами возникает наглядная иллюстрация своеобразной оценки человеческого поведения.

Наш анализ будет неполным, если не упомянуть еще об одном обстоятельстве, связанном с данным текстом. В свое время эпиграмма Э. Кордуса заинтересовала Г. Э. Лессинга, который написал следующий стихотворный текст:

Auf den Ley

Der gute Mann, den Ley zur Seite dort gezogen!

Was Ley ihm sagt, das ist erlogen.

Wie weißt du das? — Ich hör! ihn freilich nicht:

Allein ich seh doch, daß er spricht.

(цит. по: [Galle und Honig 1984: 177])

Замена одного личного имени (*Vigesia*) на другое (*Ley*) полностью переворачивает смысл текста: вместо лживой женщины в центре внимания оказывается мужчина-лжец с говорящим именем (английский глагол *lie* обозначает «лгать»). В данном случае мы наблюдаем, как происходит, если воспользоваться выразительными словами Б. Парти, «передача лексической единицы сквозь меняющиеся состояния языка, от одного говорящего к другому, от одной эпохи к другой» [Парти 1983: 297].

Таким образом, при соотнесении латинского текста Эврикия Кордуса со стихотворной миниатюрой Готфрида Лессинга возникает своеобразная словесная переключка между представителями двух текстовых формаций — европейского художественно-гуманистического дискурса XV—XVI вв. и немецкого художественно-просветительского дискурса XVIII в. Именно такие случаи имел в виду М. М. Бахтин, представляя свое видение диалогических отношений: «Но диалогические отношения, конечно, отнюдь не совпадают с отношениями между репликами отдельного диалога — они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Два высказывания, отделенные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)» [Бахтин 1986: 496].

Итак, современная лингвистика предполагает описание текста во взаимосвязи с культурными, историческими, социальными и иными обстоятельствами его возникновения. При лингвистическом анализе речевых фактов приходится учитывать самые разные смысловые нюансы, которые могут найти свое воплощение в любой из строевых единиц человеческой коммуникации. Главным звеном в вынесенном в заглавие статьи перечне объектов современной лингвистики остается текст как целое речевое произведение, аккумулирующее в себе все оттенки смысла.

Литература

- Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
- Бахтин 1986 — Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. М., 1986. С. 473—500.
- Герд 1996 — Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 68—90.

- Греймас, Курте 1983 — *Греймас А. Ж., Курте Ж.* Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 483—550.
- Зиндер 1997 — *Зиндер Л. Р. Л. В.* Щерба и школа Щербы наших дней // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы: межвузовский сб. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 1997. С. 3—12.
- Касевич 1988 — *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Мофология. М., 1988.
- Парти 1983 — *Парти Б. Х.* Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 285—305.
- Филиппов 2016 — *Филиппов К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие. СПб., 2016.
- Фуко 2004 — *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004.
- Чернявская 2008 — *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М., 2008.
- Christian Thomas 1687 — Christian Thomas eröffnet Der Studirenden Jugend zu Leipzig in einem Discours Welcher Gestalt man denen Frantzosen in gemeinem Leben und Wandel nachahmen solle? ein Collegium über des Gratians Grund-Reguln/ Vernünfftig/ klug und artig zu leben. Leipzig, 1687.
- Deutsches Wörterbuch 1999 — Deutsches Wörterbuch. Eltville, 1999.
- Galle und Honig 1984 — Galle und Honig. Humanistenepigramme: lateinisch und deutsch / Hrsg. von Harry C. Schnur und Rainer Kößling. Leipzig, 1984.
- Grammatisches Wörterbuch 1794 — Des H. Hofr. Moritz Grammaticisches Wörterbuch der deutschen Sprache, fortgesetzt vom Prediger Johann Ernst Stutz. 2. Band. Berlin, 1794.
- Harris 1952 — *Harris Z. S.* Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 1—30.
- Heinemann 2006 — *Heinemann W.* Diskurse als Gegenstand des Deutschunterrichts? // Angewandte Textlinguistik. Perspektiven für den Deutsch- und Fremdsprachenunterricht / Maximilian Scherner, Arne Ziegler (Hrsg.). Tübingen, 2006. S. 37—46.
- Heinemann M., Heinemann W. 2002 — *Heinemann M., Heinemann W.* Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen, 2002.
- Henne, Rehbock 2001 — *Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. 4. Aufl. Berlin; New York, 2001.
- Heringer 2015 — *Heringer H. J.* Linguistische Texttheorie. Eine Einführung. Tübingen, 2015.

- Hilpert 2013 — *Hilpert M.* Satz und Text // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar, 2013. S. 187—216.
- Hirzel 1895 — *Hirzel R.* Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch. 1. Theil. Leipzig, 1895.
- Kloepfer 1981 — *Kloepfer R.* Das Dialogische in Alltagssprache und Literatur // Dialogforschung. Jb.1980 des Instituts für deutsche Sprache / Hrsg. von P. Schröder, H. Steger. Düsseldorf, 1981. S. 314—333.
- Projekt Dialogstrukturen 1976 — Projekt Dialogstrukturen. Ein Arbeitsbericht / F.-J. Berens, K.-H. Jäger, G. Schank, J. Schwitalla; mit der Einleitung von H. Steger. München, 1976.
- Schank, Schwitalla 1980 — *Schank G., Schwitalla J.* Gesprochene Sprache und Gesprächsanalyse // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.-P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand. 2. Aufl. Tübingen, 1980. S. 313—322.
- Schötensack 1856 — *Schötensack H. A.* Grammatik der neuhochdeutschen Sprache mit besonderer Berücksichtigung ihrer historische Entwicklung. Erlangen, 1856.
- Ulrich 2002 — *Ulrich W.* Wörterbuch Linguistische Grundbegriffe. 5. Aufl. Berlin; Stuttgart, 2002.
- Weinrich 2003 — *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. 2. Aufl. Zürich; New York, 2003.

ZUSAMMENFASSUNG

Deutsche sprachwissenschaftliche Terminologie im Kontext der Globalisierung (unter besonderer Berücksichtigung einiger textlinguistischen Begriffe)

Moderne Sprachwissenschaft sieht eine Textbeschreibung im Zusammenhang mit geschichtlichen, sozialen, kulturellen und übrigen Umständen jeweiliger Epoche voraus. Eine linguistische Textanalyse muss unterschiedliche Sinnnuancen in Betracht ziehen, die im Text latent vorhanden sind und ihre inhaltliche Realisation in den lexikalischen und grammatischen Baueinheiten sprachlicher Kommunikation finden. Das Hauptobjekt textlinguistischer Forschung bleibt nach wie vor der Text als Gesamtedewerk, das alle Schattierungen des Kommunikationsinhalts in sich akkumuliert.